

Жители Шэнцзина ни за что не пропустили бы девятнадцатый день рождения владельца «Пристанища Феникса». Оу Сян, хозяин усадьбы, по праву считавшейся «первым помещьем в Поднебесье», несмотря на юные годы, уже успел прославиться на весь мир. Ходили слухи, что он родился в семье богатого купца из Цзяннани, в четырнадцать лет прибыл в Шэнцзин и начал всё с нуля — открыл первый ресторан, а затем постепенно расширил своё влияние на все мыслимые отрасли торговли. Те, кому доводилось лично видеть Оу Сяна, не скупались на похвалы. Во-первых, он был искусен в игре на цине, шахматах, каллиграфии, живописи и поэзии — не было области, в которой он не слыл бы знатоком; во-вторых, он отличался добротой и щедростью; в-третьих, обладал женственным ликом и красотой небожителя; и в-четвертых, был крайне болезненным и почти не покидал стен своего дома. Всё это окутывало его фигуру ореолом загадочности.

Три года назад, когда строительство «Пристанища Феникса» было завершено, Оу Сян установил традицию: каждый год в праздник Цинмин устраивать в саду пышные гулянья в честь своего дня рождения. Он приглашал поэтов, художников и книжников со всей страны, чтобы те читали стихи, наслаждались изысканным вином и любовались цветами.

— Пф-ф-ф!

Выслушав очередной доклад, я не удержался и брызнул чаем прямо в самодовольную физиономию Сон Нина.

— Ну что, владелец поместья доволен? — утираясь, ухмыльнулся тот.

— Сон Нин...

— Слушаю.

— Я действительно просил вас распускать слухи, чтобы создать вокруг меня ореол таинственности ради выгоды, но...

— Да, господин.

— Но почему с каждым годом эти сплетни становятся всё абсурднее? Разве я не говорил, что пора знать меру?

— Хе-хе... Ну, знаете ли... Слухи — вещь такая: чем дальше они ползут, тем больше обрастают подробностями. И это ещё самый пристойный вариант! Вы же сами твердили о «силе имени» и «эффекте репутации». Ваши люди преданы вам до глубины души и мечтают, чтобы весь мир носил вас на руках.

— Скорее уж на плаху! — я с размаху хлопнул увесистой книгой счетов по его физиономии, не перестававшей издевательски сиять. — Умеренные слухи приносят прибыль, а чрезмерные превращаются в пошлый фарс! И кто просил вас болтать о «женственном лике и неземной красоте»?! Если уж и врать, то писали бы что-нибудь вроде «статен, точно сосна» или «прекрасен, как Пан Ань»!

Сон Нин с притворной обидой воскликнул:

— Побойтесь бога, господин! Я тут ни при чём! Это всё те бездельники-стихоплеты, что вечно ошибаются в нашем саду. Они исписывают горы бумаги, воспевая вашу красоту, лишь бы выслужиться! Вас уже называют «первым красавцем Восточной Мин». А, кстати, кто такой Пан Ань?

— Не твоё дело, — я раздражённо бросил ему письмо. — Сначала разберись с этим «искателем ароматов»!

Сон Нин развернул послание, пробежал глазами строчки и непристойно расхохотался. Природа наградила его внешностью «статной и благородной», но манеры вечно всё портили — эта постоянная ухмылка лишала его всякого достоинства.

С прошлого года в наше поместье повадились заглядывать воришки-соблазнитель. И хотя их ловили ещё на подступах к внутренним покоям, эти письма, полные грязных намёков, уже порядком мне надоели.

— В день Цинмин к нам придут важные гости. Я не хочу, чтобы какая-то мелкая сошка испортила праздник.

— Понимаю... Хе-хе... Господин, если поймает — поступать как обычно?

— Как обычно! Оскопить и отправить в евнухи!

Закончив обсуждение дел, я вернулся в Павильон Парящего Феникса, но не обнаружил там знакомой высокой фигуры. Слуги подсказали, что он у пруда с лотосами. Я отправился туда один и нашёл его в беседке над водой — он сидел, безучастно глядя на гладь пруда.

— Цзиньжунь.

Услышав своё имя, произнесённое мягко, он обернулся и бросился ко мне. С широкой улыбкой он обнял меня, а я, усадив его за стол, достал из-за пазухи письмо.

— Это от отца! — он радостно вскрыл конверт и принялся читать.

Пять лет назад, используя редкие снадобья и сладкие речи, мне удалось втереться в доверие к старому правителю и получить жетон, позволяющий беспрепятственно входить в императорский дворец. С помощью Хань Линя я организовал встречу Симэнь Цзиньжуня с его отцом, князем Жуй. Я надеялся, что после этого Цзиньжунь вернётся в Западную Цзинь, но он наотрез отказался уезжать. Вдобавок его отец, князь Симэнь Хаожань — мой давний кумир — едва ли не на коленях молил меня присмотреть за сыном. Пришлось согласиться.

К слову о моём кумире: отцу Цзиньжуня было уже за сорок, но выглядел он как юноша — нежный и ослепительно прекрасный. Неудивительно, что даже спустя годы после его заточения слухи о нём оставались любимой темой для пересудов. Цзиньжуня выманили из Западной Цзинь обманом, намереваясь убить в пути. Вернись он сейчас — его ждала бы верная смерть.

Меня всегда мучил вопрос: Цзиньжунь хоть и не был безумцем, но соображал туго, совсем не знал жизни и не представлял никакой угрозы. Зачем правителю Западной Цзинь так настойчиво пытаться его извести? Князь Жуй тогда поведал мне тайну минувших лет.

Когда Цзиньжунь родился, небеса озарились знамением — только что взошедшее солнце окрасило все облака в кроваво-алый цвет. Вскоре у ворот усадьбы появился старец в белых одеждах. Он заявил, что младенец — сошедший на землю небожитель, и хотя ему суждено стать правителем, такая судьба принесёт великие беды. Старец просил отдать ребёнка ему на воспитание до совершеннолетия. Молодой и гордый князь Жуй, разумеется, отказал чужаку. Тогда старец оставил ему запечатанный свиток, сказав: «Когда придёт беда, открой его, и жизнь сына будет спасена». Цзиньжунь рос невероятно одарённым: в три года знал каллиграфию, в пять — владел мечом. Все прочили ему великое будущее. Но в восемь лет он тяжело заболел и оказался на пороге смерти. Только тогда князь Жуй вспомнил о свитке. Следуя указаниям, он разыскал нужные лекарства и спас сыну жизнь. Вот только после болезни блестящий ум Цзиньжуня угас — он превратился в простака, не способного ни к наукам, ни к боевым искусствам. Лучшие лекари мира лишь разводили руками. Жизнь была сломлена.

Я спросил тогда князя, как протекала болезнь. Он ответил, что это походило на обычную лихорадку, но никакие привычные средства не помогали — от них становилось только хуже. Помогло лишь снадобье по рецепту того старца. Рецепт, к слову, исчез: едва князь Жуй приготовил лекарство, чернила на бумаге просто испарились. Из состава он помнил лишь один компонент — «Морской цвет». Остальные ингредиенты были редкими, но доступными человеку его положения, а вот «Морской цвет» никто не мог найти. В самый отчаянный момент ученик того старца сам принёс порошок к дверям усадьбы. На вопрос о том, как выглядело это средство, князь лишь покачал головой: «Чёрная пыль без вкуса и запаха».

Я уточнил время болезни. Декабрь третьего года правления под девизом Тяньцзинь. Князь вспомнил, что перед этим в Цзиньчэне выпал небывалый снег.

Услышав это, я оцепенел. Третий год Тяньцзинь в Западной Цзинь — это двадцать четвёртый год Юнтянь в нашей Небесной династии. В тот год Цзиньжуню было восемь, а Оуян Сяньфэну — пять. И именно в тот год, в середине двенадцатого месяца, пятилетний Сяньфэн три дня пролежал в смертельном бреду. Лихорадка сожгла его меридианы, превратив в калеку.

Тот же месяц. Те же симптомы. Не слишком ли много совпадений?

Я спросил у князя о внешности старца и его ученика. Он ответил, что старику на вид было за семьдесят — седой, в белом, с самым обычным лицом, которое мгновенно теряется в толпе. Ученик, лет пятнадцати, выглядел так же неприметно. Одно казалось странным: если старец заранее подготовил противоядие, значит, он же и передал яд тем, кто хотел погубить ребёнка. Или сам отравил его.

Болезнь Цзиньжуна и Оуян Сяньфэна — на восемьдесят процентов я был уверен, что это дело рук одних и тех же людей. Разница лишь в том, что Цзиньжунь вылечился благодаря снадобью, а Сяньфэн, судя по воспоминаниям, чудом пришёл в себя сам.

Глядя на Цзиньжуна, который так искренне радовался письму, я с трудом верил собственным выводам: неужели этот добродушный простак и есть та самая «Западная звезда», которой суждено сойтись в битве за мир с тремя другими царями? Каким бы он был сейчас, не отрави его тогда? И если его пытались убрать как претендента на трон, то при чём здесь Оуян Сяньфэн? Звезда Юга угасла вместе со смертью Оуян Сяотяня, это бесспорно. Но почему тогда пострадал маленький Сяньфэн?

— Цинмин? У меня что-то на лице?

Он в замешательстве коснулся щеки и вопросительно взглянул на меня. Я лишь слабо улыбнулся:

— Ничего. Просто ты с каждым годом становишься всё краше, Цзиньжунь.

— Правда? — он просиял, рассмеялся и, протянув руку, легонько ущипнул меня за щеку. — А я думаю, что Цинмин всё равно красивее! Даже Миньюэ из Башни Небесного Аромата с тобой не сравнится!

Я замер, а в следующую секунду вплепил ему звонкую пощёчину.

— Симен Цзиньжунь! — прошипел я от ярости. — Ты мало того что шляешься по борделям, так ещё и смеешь равнять меня с площадными девками?!

Он застыл, ошарашенный. На его щеке мгновенно проступил багровый след.

— Я... я...

— Что «я»?! Хорош, нечего сказать! Нахватался премудростей! Миньюэ из Башни Небесного Аромата, значит? Клянусь, завтра же этот притон будет закрыт! Сравнить меня с куртизанкой?! За кого ты меня принимаешь?!

— Цин... Цинмин, не сердись. Я снова сделал что-то не так? Я... я исправлюсь, всё исправлю, только не злись...

Я не стал слушать. Развернулся и ушёл в свои покои. Он всю дорогу плёлся следом, не переставая извиняться. Я сел пить чай, а он устроился рядом, глядя на меня глазами побитой собаки. Я игнорировал его, но он продолжал маячить передо мной.

— Когда ты начал ходить по этим заведениям? — наконец спросил я.

— Прошлой зимой...

— Сколько раз ты там был?

— Ну... раз десять...

— С кем?

— С управляющим Сон.

Сон Нин? Ему что, дел мало? Нашёл время водить парня по девкам. Ну, я тебе устрою «сладкую жизнь».

— И ты был только в Башне Небесного Аромата?

— Угу...

— Кто ещё, кроме этой Минъюэ?

— Ещё Цюлин и Биюэ.

Ох и ловкач. В этих делах, значит, не дурак. Что же тот яд не лишил тебя заодно и мужской силы?

С одной стороны, я понимал: он взрослый, здоровый мужчина, физиологические потребности — вещь естественная. Было бы странно, если бы он не искал женщин. Но сама мысль об этом вызвала во мне бурю негодования. Во-первых, потому что он вечно прикидывался валенком, а во-вторых... почему он пошёл за «дикими цветами» на сторону? В нашем «Пристанище Феникса» в Борделе Радостного Румянца любая девица — писаная красавица, образованная и воспитанная. А Сон Нин потащил его собирать придорожную пыль.

Впрочем, о том, что творится во внутреннем дворе моего поместья и какой там крутится

бизнес, Цзиньжунь не знал. Подсознательно я не хотел, чтобы на его лице появилось какое-то иное выражение, кроме привычного мне.

— Ладно, я понял.

— Цинмин понял? А я вот сам ещё не до конца...

Я закатил глаза и нравоучительно произнёс:

— Цзиньжунь, я понимаю, что ты мужчина и у тебя есть нужды. Но пойми и ты: ты человек из «Пристанища Феникса», как ты мог опуститься до этих сомнительных заведений? Если тебе что-то нужно, просто скажи мне. Я обещал князю Жуй заботиться о тебе и выполню любое твоё желание. Зачем тебе позориться с Сон Нином?

— О? Цинмин правда разрешит? Но управляющий Сон говорил, что если я признаюсь тебе, ты меня убьёшь...

— Меньше слушай его бредни. Это естественные вещи, я что, по-твоему, совсем тиран?

— Правда? — судя по тому, как он просиял, новость его несказанно обрадовала. Его лицо залил густой румянец.

«Я вечно его ругаю, но ведь это для его же блага. Рано или поздно это должно было случиться, лучше уж пусть набирается опыта под моим присмотром», — размышлял я, прикидывая, кого из девушек Борделя Радостного Румянца сосватать Цзиньжуню. Учитывая его детский ум, ему нужна была наставница, которая научит его радостям плоти, но при этом привьёт умеренность и не причинит вреда...

— Если бы я знал, что Цинмин согласится, я бы сразу тебе сказал... и не ходил бы к тем девицам... — он счастливо заулыбался и вдруг бросился ко мне с объятиями. «Надо же, такой простак, а какой похотливый — так обрадовался возможности получить женщину», — успел подумать я.

Однако дальнейшее повергло меня в шок. Он с силой вцепился в мои плечи и грубо, жадно впился в мои губы. Пока мой мозг превращался в чистый лист от этой нелепости, что-то горячее и влажное бесцеремонно вторглось в мой рот.

— Мгх!..

«Бац!»

Сначала раздался глухой звук — это я пнул его в живот так, что он со стоном согнулся. Затем

последовал хлёсткий удар ладонью по лицу.

— Цинмин? — он смотрел на меня совершенно искренне, не понимая, за что получил.

— Ты что творишь?!

— Как это что? То самое дело. Ты же сам разрешил! Почему ты снова меня бьёшь?

— На что я, по-твоему, согласился?!

— Как это на что? — он обиженно насупился. — Ты только что сказал, что понимаешь меня! Ты обещал! Даже Минъюэ и остальные, если обещают — не отказываются!

— Ты...

— Ты же обещал, как ты можешь забирать слова назад?

— Я...

Впервые в жизни меня загнали в тупик. Глядя в его глаза, в которых уже начали закипать слёзы, я вдруг понял, что не могу на него кричать.

— Ты уверен, что правильно меня понял?

— Твои слова значили, что ты согласен сделать со мной это. Разве нет?

Я мысленно воззвал к небесам. Мы говорили о совершенно разных вещах.

— Я имел в виду, — начал я, стараясь говорить максимально терпеливо, — что если тебе нужно облегчение, я найду тебе лучшую женщину. Я не собирался ложиться с тобой в постель, понимаешь? К тому же, я мужчина! Не смей принимать меня за бабу!

— Я знаю, что Цинмин — мужчина. Ты такой красивый, что никакая женщина с тобой не сравнится.

— Ты знаешь, что я мужчина, и всё равно хочешь сделать это со мной?!

Он решительно закивал.

И снова я безмолвно вопрошал небеса. Оказывается, этот парень — «обрезанный рукав». Неудивительно, что Сон Нин пророчил ему смерть от моей руки.

— Ладно, теперь я действительно понял, — в конце концов, склонность к мужской любви не была чем-то из ряда вон выходящим. Придётся заменить Бордель Радостного Румянца на Дворик Просочившейся Влаги Бамбука. — Раз уж тебе по нраву мужчины, я подберу тебе несколько смазливых юношей. Каких предпочитаешь?

— Мне не нужны другие! Мне нужен только Цинмин! — он снова рванулся ко мне и мертвой хваткой вцепился в мои одежды. — С тех пор как я понял, что хочу быть с тобой, я так мучился... Управляющий Сон сказал, что ты рассердишься, и отвёл меня в Башню Небесного Аромата. Но и с Минъюэ, и с Цюлин — я каждый раз думал только о тебе! Сегодня ты наконец согласился, так почему теперь отталкиваешь? Мне никто не нужен, только ты!

Мой кулак замер, так и не обрушившись на него. Я стиснул зубы, ощущая, как внутри разливается странная горечь. Из его путаных, бесхитростных слов было ясно одно: он действительно поселил меня в своём сердце. И я не знал, как ему отказать. Я обеспечил ему роскошную жизнь, но никогда не был с ним ласков. Я вечно ворчал, ругал его, а если он мешал мне под горячую руку — мог и ударить, не зная жалости.

Да, я никогда не жалел его. Так какая разница, если я сделаю ему больно ещё раз?

— Отпусти.

— Цинмин?

Он растерянно разжал руки. Мой голос стал холодным, как лёд.

— Ты за кого себя принимаешь? И за кого принимаешь меня? Неужели ты думал, что такой блестящий человек, как я, взглянет на такого дурака? Не надейся, жаба, отведать лебединого мяса. Таким, как ты, самое место в грошовых борделях. Я и так проявляю безмерное милосердие, заботаюсь о тебе по просьбе князя Жуй, а ты решил, что можешь сесть мне на шею? Слушай внимательно: с этого дня держись от меня подальше. Чтобы я не видел тебя ближе чем на десять чжанов. Ты мне противен.

Я встал и вышел, не оборачиваясь. Ибо знал: обернуться я не смогу.